

Денис КАЛЬНОВ

ЗРИТЕЛЬНАЯ ПАМЯТЬ

* * *

Дожди их появлению причина.
Неясный абрис быстро исчезал.
Немые жесты в контуре старинном,
и облик совершенства достигал
в той сырости, окутавшей прогал.
Серебряные линии флорина
сменялись эпизодами.

В руинах

проглядывался, словно из зеркал,
кувшин в руках библейской Магдалины.

Заполнился подтёками квартал.
Стена как флорентийская картина,
но кто её дождём нарисовал?

МЕНИНЫ

Открыта дверь в пространство, позади
таинственной границы между светом
и темнотой, что служат силуэтам
неясных лиц, не смевших подойти

К тому, кто создал, вглядываясь вдаль,
структуру с переходом в отражение,
где кисть его и шпага равноценны,
и в лике блёклом видится печаль.

В палитре проявляются тона,
всех тех, кого любил, коснулся бликом.
В руке прозрачно-призрачная пика
с картины в мир навечно продлена.

* * *

Дома имеют схожие черты
с печальными людьми в полночной мари,
стоявшими в раздумьях на бульваре,
над ними был холодный свет звезды.

Какие судьбы помнит этот дом?
Войти нельзя, но только лишь в одном
открылась дверь, и в зеркале канала
вода вокруг в мгновенье успевала
частичку света в зыби отразить.

Что могут эти стены сохранить?

В рельефе неестественном, в веках?
Что в лунных панорамах полусонных
в фасадной части вычурно-исконных
палаццо, отразившихся в оконных
вitraжных стёклах, словно в чьих-то снах?

И в сторону моста, из тех печальных
прохожих, зашагал, руководим
пленительной мечтой, скиталец дальний,
И та звезда шагала вместе с ним.

* * *

Привычные ночные звуки улиц,
К сервизу блики нежно прикоснулись.
И тени, как во сне искажены.
Бессонница под бледностью луны.
И свойство ночью быть одушевлённым
Приобретёт какой-нибудь предмет:
Нахмуренный комод иль табурет,
А может, чайник с носом удлинённым.

Художнику идеи для существ,
Писателю в роман немного быта,
Учёный скажет: «Всё игра веществ!»
Лишь для поэта сумма совершенств,
И дверь в потустороннее открыта.

Половина лунного лица
разделила свет с лантерной церкви,
разгорелись вспышкой и померкли
на волнах оттенки близнеца,
в бледном отражении лагуны.

В тишину заходят лодки, шхуны.
Пахнет свежей рыбой; по приливу
видишь уязвимость красоты.
Здесь подобна точному архиву
зрительная память.

Из воды
вышли храмы, купол у собора
воздухом удерживает вход,
признаки небесного фарфора
в духе воплощает каждый свод.
Ночь темна. Тупик, волна и стены —
так наверно видел Тициан
на пути из мастерской, и тени
улиц перешли на задний план
полотна библейского сюжета
с обликами здешних горожан.